

Глава 25. Унесенные ветром. Часть вторая

— Меня зовут Ли Жань, — вежливо повторил юноша, мягко улыбаясь.

Он ни капли не походил на прежнего зловещего старика. Эта разительная перемена заставила всех насторожиться — никто не решался сделать первый шаг.

— Гость в доме — к радости. Проходите, присаживайтесь, — дружелюбно пригласил юноша.

Он невесть откуда достал свежий чай и угощения. Его радушие было столь обезоруживающим, что у кое-кого сразу рассеялись все сомнения. Например, у Да Данцзя.

Красавец, обычно готовый душу продать за лакомства, на сей раз даже не прикоснулся к еде. Он стоял смирно, слегка прищурившись, и не мигая разглядывал юношу.

Наконец он спросил:

— Ты слуга доктора Ляня?

— Да, — улыбнулся тот. — Меня прислал молодой господин Мужун. Доктору нездоровилось, ему требовался уход, а он рассудил, что служанкам здесь будет не с руки, вот и отправил меня. Доктор — святой человек, для меня было великим счастьем заботиться о нем.

Он выглядел искренне.

— А ты... умер? — прямолинейно спросил Красавец.

— Да, — вздохнул юноша, полный затаенной печали. — Вы ведь сами видели. И тот старик, и этот мальчик — всё я. Разница лишь в том, что этот юный я еще не питал к доктору тех... непозволительных чувств.

— Тогда... что же здесь происходит сейчас?

Закончив хлопотать, юноша присел у стола и, подперев ладонью щеку, тихо произнес:

— Это мой грех. Если любишь человека, нельзя причинять ему боль...

Юный Ли Жань ни за что на свете не заставил бы доктора страдать. Но повзрослевший Ли Жань принес ему не просто горе — он обрек его на беспросветное отчаяние.

Покинутый всеми доктор был безжалостно сломлен. Растоптан тем, другим Ли Жанем.

— И я ждал... Ждал молодого господина Мужуна... А потом стал ждать любого, кто сумеет сюда добраться, чтобы помочь мне спасти доктора.

— Мы можем помочь? — с готовностью отозвался Красавец.

Встав, Ли Жань тоскливо посмотрел за порог.

— Раз уж молодой господин Мужун не может прийти сам, я прошу вас забрать доктора отсюда и отнести к нему. Сделайте так, чтобы они больше никогда не расставались.

— Мы сделаем это! Но где же сам доктор?

— Прямо за дверью... — отрешенно прошептал Ли Жань.

От этих слов по спинам пробежал холодок. Пустой дверной проем выглядел зловеще. Одно дело — общаться с духами, которые сохранили человеческий облик: их по крайней мере видишь, и страх отступает. Но неужели у доктора нет даже призрачного тела?

— Он все это время стоит там, не в силах сдвинуться с места... Я вижу его, но не могу коснуться. Его хлещет дождь, обжигает ветер... Он весь изранен. Я так боялся, что никто не успеет прийти, и доктор просто рассеется прахом...

Неокрепший, совсем еще юношеский голос Ли Жаня тихо разносился по комнате и уплывал вместе с ветром куда-то вдаль.

Из дверного проема донесся глухой, потрясенный голос Су Линцзюня:

— Это... он?

Су Линцзюнь стоял у порога, опустив голову и заворуженно глядя на землю.

Ли Жань не сдвинулся с места. Из глубины полутемной комнаты он едва слышно подтвердил:

— Да... это он.

Остальные поспешили к выходу, но, едва взглянув под ноги, оцепенели. Они побледнели и больше не могли отвести глаз от ужасной находки.

— Неужели это... и правда доктор Лянь? — с дрожью в голосе выдавил Монах.

— Внутри запечатана его душа. Он сам обрек себя на это заточение, и никто, кроме молодого господина Мужуна, не сможет даровать ему прощение... Пожалуйста, отнесите его к господину до того, как я навеки сгину в преисподней.

Су Линцзюнь присел на корточки, молча разглядывая угол стены.

Там, у самой стены, темнел каменный орел — изваяние, совершенно чуждое этому убогому жилищу. В нем не было величия птицы, готовой взмыться в облака; оно беззащитно лежало в пыли, пробитое насквозь тяжелой стрелой, прошедшей сквозь крыло прямо в грудь. На серых перьях проступали бурые пятна — вековые следы запекшейся крови. Голова орла была упрямо вскинута, в остекленевшем взгляде застыла отчаянная тоска по небу, а когти, судорожно впившиеся в землю, хранили память о последней, обреченной борьбе.

В удушливом молчании прошло несколько минут. Ли Жань, неподвижно сидевший в углу, заговорил вновь. Он отрешенно смотрел перед собой, его голос звучал мерно и ровно.

— Весь тот год молодой господин Мужун так и не навестил доктора. Он послушно принимал снадобья, вовремя ложился спать и часами сидел у порога в ожидании. Так тянулось десять лет. Мальчишка-слуга вырос, стал мужчиной. Иногда он просил меня разузнать хоть что-то о господине. Я ходил наружу и приносил вести: Мужун воюет с демоническим культом, спасается бегством, бьется насмерть... Ему, разумеется, было не до калеки в глухом ущелье. Но от него я это скрывал.

А во мне... во мне к тому времени уже поселился порочный дух. Доктор сделался моим единственным смыслом жизни. Мне казалось, мы связаны навек: без меня он погибнет, а без него и мне белый свет не мил. В детстве я боготворил господина Мужуна — сильного, благородного воина. Но стоило мне оказаться здесь, как это преклонение капля за каплей переродилось в жгучую зависть и ненависть.

Он был великим героем, а я — ничтожеством. Но разве этот герой понимал доктора лучше, чем я? Разве он чувствовал его боль? У него были жена, дети. Как бы дорог он ни был, Мужун никогда не посмел бы признаться в своих чувствах перед всем миром. Малодушный лицемер, дрожащий за свою репутацию... Даже если бы тот отдал за него жизнь, Мужун не подарил бы ему того, о чем тот молил. Он лишь продолжал раз за разом, точно в кошмарном сне, твердить одно и то же: «Мы братья. Мы мужчины. А мужчина обязан жениться и продолжать род»...

— Хех, он ведь вел эти речи лишь для того, чтобы усыпить собственную совесть, а для доктора они оборачивались пыткой. Сам Мужун преспокойно обвенчался, а доктор... он был слишком упрям. Он терпел все в одиночку. Каждый день в миру давил на него тяжким грузом. Ему чудилось, будто всякий встречный знает его постыдную тайну и презирает за то, что он без зазрения совести цепляется за семью Мужун. Хотя на самом деле о его чувствах догадывалась лишь супруга господина. Она была неплохой женщиной. Пытаясь устроить его судьбу, она подыскала ему невесту из приличной семьи, надеясь, что брак принесет покой всем. Он тогда

согласился — оставаться в усадьбе он больше не мог. Ноги его не слушались, но девушка все равно соглашалась пойти за него. У него не было причин отказывать.

Но все разрушил сам молодой господин Мужун. Ха! Сам женился, а доктору не позволил! Стал придирается к невесте по всяким мелочам, пока ее родня сама не расторгла помолвку. Тогда они впервые поссорились.

После этого доктор решил вернуться в долину. Суета внешнего мира претила ему, он не умел притворяться. Мужун не стал его удерживать — напротив, он обрадовался. Ему хотелось, чтобы тот навсегда остался в ущелье, скрытый от чужих глаз, отрезанный от людей. Чтобы он ждал только его одного, и ворота долины открывались лишь для него.

Но сколько раз за весь год этот великий человек мог выкроить время, чтобы тайком навестить затворника? Хорошо если пару раз. Приедет, привезет еды да одежды, перекинется парой слов... Да еще с гордостью давай рассказывать, какими славными растут его сыновья и дочери. А на прощание бросит: «Вот состарюсь, уйду на покой и поселюсь с тобой в долине Бабочек»...

Эти пустые обещания доктор принимал за чистую монету. Он безропотно ждал, считая дни и мечтая лишь о том, чтобы они оба поскорее состарелись...

— Раньше я ничего не понимал. Думал, они просто побратимы, которые души друг в друге не чают, и завидовал их преданности. Я относился к доктору как к старшему брату и готов был расшибиться в лепешку ради него. Поскольку ходить он не мог, я собирал травы, разносил целебные снадобья... И был искренне счастлив.

Сам не знаю, когда именно перестал видеть в нем брата. Осознал я это лишь тогда, когда поймал себя на мысли: «Хоть бы молодой господин Мужун больше никогда не возвращался». Мне хотелось, чтобы в этой долине остались только мы двое.

И Мужун действительно исчез. Я решил, что небо услышало мои мольбы, и долго радовался своей тайной победе. Пока я ликовал про себя, доктор таял на глазах. Годами он не произносил ни слова, он больше не улыбался. Мне больно было видеть его угасание, но я верил, что рано или поздно заставлю его принять меня, и тогда тоска отпустит его.

На десятый год отсутствия Мужуна я не выдержал и открыл доктору свое сердце. Я был уверен, что он уступит — ведь мы столько лет прожили бок о бок! Я мог дать ему все, на что тот никогда бы не осмелился. Но он с ледяной суровостью отверг меня. Он ничего не сказал, не стал упрекать, но стал меня подозревать. А потом попытался сбежать. На своей коляске этот калека вознамерился выбраться из долины, чтобы отыскать Мужуна.

Я был в ярости. Он сорвался с крутого склона, разбился о камни и едва не испустил дух. К тому времени я успел немного обучиться у него врачеванию. Два долгих года я выхаживал его, пока раны наконец не затянулись.

— За все время болезни он не проронил ни слова. Когда раны затянулись, он снова и снова пытался выползти из долины, но я каждый раз возвращал его назад. В конце концов я не выдержал и солгал, что Мужун мертв. Сказал, что тот погиб уже много лет назад.

Лишь тогда он смирился. Целый год он больше не порывался бежать, к нему постепенно вернулась прежняя кротость. Чтобы хоть как-то развлечь его, я поймал раненого орла. Доктор привязался к птице, они стали неразлучны. Он часами играл с ней, и его тихая улыбка была для меня высшей наградой.

— Мне казалось, наша жизнь наконец наладилась — тихая, простая. Но однажды случилось непредвиденное. Вернувшись со сбора трав, я нашел доктора на полу. Он рыдал навзрыд, а орла нигде не было видно. Когда я попытался поднять его, он мертвой хваткой прижимал к груди какую-то вещь. Из его сжатого кулака сочилась кровь — ладонь до костей проткнула серебряная шпилька. Та самая, которую Мужун носил в день своей свадьбы.

Я не знал, откуда она взялась. Меня охватил панический страх: неужели Мужун вернулся? Если это так, доктор бросит меня не задумываясь. Он возненавидит меня за ложь, лишит права даже называться его братом, сотрет из своей жизни...

— Страх и уязвленное самолюбие затмили мой разум. Я совершил то, о чем давно мечтал, но никогда не смел даже помыслить. И не раскаялся ни на секунду. Напротив, я ликовал от мысли, что Мужун так никогда и не прикоснулся к нему.

Два года я держал доктора под замком. Я был готов стеречь его до конца его дней, и даже если бы Мужун явился сюда, я бы костями лег, но не позволил им увидеться.

Тогда мы еще не знали, что Мужун давно мертв. Я яростно защищал то, что считал своим, от призрака, а доктор продолжал беззвучно звать его в своих мыслях. Ту шпильку принес орел. Должно быть, отыскал на теле погибшего господина...

Орел пропал на два года, но в ту ночь внезапно вернулся. Доктор каким-то чудом сумел выползти из дома. До сих пор не знаю, как этот немощный калека вскарабкался на спину могучей птицы. Когда я выбежал во двор, он уже парил в небесах, медленно отдаляясь от долины, ускользая от меня навсегда...

— И ты сбил его стрелой? — тихо спросил кто-то.

Ли Жань горько вздохнул:

— Да... За те два года я превратил его в тень человека. Он был настолько слаб, что едва мог пошевелиться, я без труда поднимал его одной рукой. Раненый орел камнем рухнул прямо у порога и испустил дух. Доктора разбил полный паралич. Как я ни бился, спасти его не удалось. Труп птицы еще не успел истлеть, а его жизнь уже утекла сквозь мои пальцы...

В сущности, от начала и до конца мне принадлежала лишь пустая плоть. Я сжимал в объятиях бездыханное тело, но его душа, запертая им самим от этого мира, непостижимым образом обратилась в каменное изваяние орла...

— Его душа так и не досталась мне. Несколько десятилетий я в полном одиночестве сторожил его прах, а когда пришел мой час закрыть глаза, мне уже не хотелось ни за что бороться. Раз уж при жизни мне суждено было владеть лишь его телом, я не отдам его никому. Но его дух свободен. Отнесите изваяние к Мужуну Цзюню. Это мой последний долг перед доктором.

А взамен я прошу вас об одном: когда я исчезну, запечатайте эту долину навсегда. Пусть никто и никогда больше не нарушает наш покой.

Ли Жань не выказал ни капли скорби. Он говорил ровно, почти безразлично, и лишь в его взгляде читалось странное облегчение.

Под их безмолвными взглядами юноша медленно подошел к краю темного водоема. Он заглянул в прозрачную глубь и кротко, почти нежно улыбнулся. Этот хрупкий, чистый с виду мальчик сделал шаг прямо в холодную воду. Его силуэт постепенно расплывался, пока окончательно не растаял на самом дне...

Там, на самой глубине, в прозрачном ледяном гробу спали вечным сном двое, крепко прижавшись друг к другу...

<http://bllate.org/book/18276/1759165>